СЕЛЕСТА РАЙС

Багровое наследие

МЁРТВЫХ СПИСЫВАЮТ
ЖИВЫХ ИСПОЛЬЗУЮТ

18+

Селеста Райс

Багровое наследие

«Автор»
2026

Райс С.

Багровое наследие / С. Райс — «Автор», 2026

Сесилия Арден привыкла к опасностям службы безопасности оборотней. Но впервые сталкивается с человеком, который отчаянно боится собственного спасения.Обычное задержание оборачивается расследованием. Поддельные документы, исчезнувшие пациенты и следы запрещённых экспериментов заставляют Сесилию усомниться в том, что происходящее случайно.Кассиан де Вальтерис, верховный комиссар безопасности вампирского государства, расследует похожие преступления. Некоторые улики возвращают его к прошлому, о котором он предпочёл бы забыть.Их пути пересекаются. Взаимное раздражение постепенно сменяется опасным притяжением, но доверять друг другу они не спешат.Тем временем эксперименты продолжаются. И вскоре выясняется, что преступников интересует не столько расследование, сколько сама Сесилия.Они искали её задолго до того, как она узнала об их существовании.

© Райс С., 2026
© Автор, 2026

Селеста Райс
Багровое наследие

Глава 1

БАГРОВОЕ НАСЛЕДИЕ

Глава 1. Мёртвые не возвращаются

Моя мать считала, что однажды я непременно погибну из-за собственной самоуверенности. Отец утверждал, что раньше меня прикончит длинный язык, а старший брат был уверен, что причиной моей безвременной кончины станет исключительно неумение вовремя заткнуться. Удивительно, насколько дружной бывает семья, когда речь заходит о твоей смерти.

— Сесилия, ты меня вообще слушаешь?

Я прижала телефон плечом к уху, пытаясь одновременно застегнуть куртку и отыскать ключи от квартиры. Последние обнаружились в кармане вчерашних брюк, брошенных на спинку кресла. Рядом валялась одна из моих серёжек. Где находилась вторая, я предпочла не задумываться.

— Конечно, мам. Ты говорила, что я совершенно безответственная и однажды доведу тебя до сердечного приступа.

— Я сказала, что ты снова не позавтракала.

— Это практически одно и то же.

Эвелин Арден тяжело вздохнула. Я почти видела, как она поправляет очки и поджимает губы, пытаясь решить, стоит ли продолжать лекцию. Мама работала врачом больше двадцати лет и обладала удивительной способностью превращать обычный телефонный разговор в полноценный медицинский осмотр.

— Тебе двадцать два года, Сеси. Неужели так сложно наладить нормальный режим?

— Мне двадцать два, а не двести. Впереди ещё целая вечность для полезных привычек.

— Особенно если ты продолжишь возвращаться домой с переломами.

— Последний был три месяца назад.

— Шесть недель, дорогая.

Проклятье. У врачей слишком хорошая память. Я сунула телефон в карман, предварительно пообещав матери нормально поесть и не ввязываться в неприятности. Второе обещание она даже не стала комментировать. Лифт, разумеется, решил, что сегодня ему требуется заслуженный отдых. Пришлось спускаться по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Для оборотня это не представляло сложности, но я всё равно мысленно пожелала управляющей компании долгих лет ремонта.

Во дворе меня уже ожидала служебная машина. Дариан Кросс сидел за рулём с выражением человека, которому давно наскучило существование окружающих. Рейна Моррис устроилась рядом и задумчиво рассматривала бумажный стаканчик кофе. Увидев меня, она посмотрела на часы.

— Семь минут, — сообщил Дариан вместо приветствия.

— Доброе утро. Ты сегодня особенно очарователен.

— Семь минут опоздания.

— А я думала, ты считаешь, сколько времени нам осталось до обеда.

Рейна протянула мне второй стаканчик, который предусмотрительно купила по дороге. Я с благодарностью приняла напиток и забралась на заднее сиденье. За годы совместной работы мы успели узнать друг о друге достаточно, чтобы не тратить время на бессмысленные любезности. Дариан ворчал, Рейна командовала даже вне службы, а я, по их общему мнению, являлась неисправимым источником неприятностей. При этом ни один из них почему-то не спешил менять напарника.

— Что у нас сегодня? — спросила я, пристёгиваясь.

Рейна передала мне планшет.

— Предположительно Надломленный. Мужчина, тридцать четыре года, оборотень. Последние несколько дней ведёт себя неадекватно. Вчера напал на прохожего, а при попытке задержания серьёзно ранил двоих патрульных.

Я открыла фотографию. На экране улыбался ничем не примечательный мужчина с короткими каштановыми волосами. Рядом с ним стояла маленькая девочка в красном пальто, обнимая огромного плюшевого медведя. Судя по счастливым лицам, снимок сделали во время какого-то семейного праздника. Следующая фотография выглядела совсем иначе. Тот же мужчина стоял посреди улицы босиком, с разбитыми в кровь руками. Рубашка висела лохмотьями, лицо осунулось, а глаза смотрели куда-то сквозь объектив.

— Когда сделаны снимки?

— Первый две недели назад. Второй вчера, — ответил Дариан.

Я приблизила изображение. На шее мужчины виднелись тонкие красноватые полосы, почти скрытые воротником.

— Он проходил лечение?

— Да. Частная клиника. Выписан одиннадцать дней назад в удовлетворительном состоянии.

— Очень удовлетворительном, — пробормотала я.

Рейна обернулась. Я показала ей фотографию и указала на шею мужчины.

— Похоже на следы медицинских процедур. Только расположены слишком аккуратно.

— Криминалисты проверят, если подтвердим личность, — ответила она.

Я кивнула и продолжила изучать документы. Последние годы работа всё чаще напоминала бесконечную попытку разобраться в чужом безумии. Заражённые встречались и раньше, но некоторые случаи не укладывались даже в привычную классификацию. Искажённые, Надломленные, Стабильные. Три названия, которыми врачи пытались описать состояния, порой совершенно непохожие друг на друга.

Сами названия мало что говорили о человеке. За сухими строчками отчётов скрывались живые люди, у которых оставались семьи, друзья и надежда когда- нибудь вернуться к нормальной жизни. Не каждый заражённый представлял угрозу, и далеко не каждому требовалась изоляция. Однако нападение на патрульных оставляло нам слишком мало пространства для оптимизма.

Я снова посмотрела на девочку с медведем.

— У него есть семья?

— Жена и дочь. С ними уже связались, — ответила Рейна. — Последние дни он домой не возвращался.

— Надеюсь, мы найдём его раньше, чем он кого-нибудь ещё покалечит.

Дариан бросил на меня короткий взгляд через зеркало.

— Постарайся только сама не пополнить список пострадавших.

— Какая трогательная забота.

— Просто не хочу заполнять за тебя отчёт.

Я улыбнулась, но фотографию мужчины закрывать не стала.

***

Здание находилось на окраине делового квартала. Когда-то здесь располагалась небольшая проектная компания, но теперь большая часть помещений пустовала. Окна верхних этажей были затянуты мутной плёнкой, а на парковке стояли два автомобиля без номерных знаков. На первый взгляд место выглядело заброшенным, однако свежие следы шин и едва заметный свет за одним из окон говорили об обратном.

Мы прибыли ближе к полудню. Дариан остался наблюдать за главным входом, Рейна обошла здание со стороны двора, а я расположилась у соседнего кафе, изображая девушку, которая слишком долго ждёт опаздывающего кавалера. Надо признать, роль подходила мне

неплохо. Светлые волосы, тёмные очки, кожаная куртка и стаканчик кофе создавали вполне убедительный образ. Если не присматриваться к служебным ботинкам и оружию под курткой, можно было принять меня за кого угодно, только не за оперативницу.

— Движение на третьем этаже, — произнёс Дариан в наушнике.

Я подняла глаза к окнам. За стеклом мелькнула фигура, слишком быстро исчезнувшая из виду, чтобы я успела различить лицо.

— Вижу.

— Продолжаем наблюдение. Без самодеятельности.

— Ты говоришь так, будто я постоянно нарушаю приказы.

В наушнике послышался смешок Рейны.

— В прошлый раз ты выбила дверь, хотя мы должны были дождаться подкрепления.

— Она была открыта.

— Ты сорвала её с петель.

— Значит, плохо закрепили.

Дариан тяжело вздохнул, а я улыбнулась своему отражению в стекле кафе. Настроение было почти хорошим. По крайней мере, до того момента, пока на третьем этаже не появился мужчина. Он стоял возле окна, прижав ладони к стеклу. Даже с такого расстояния было заметно, что руки у него испачканы кровью. Его голова была немного наклонена, словно он пытался прислушаться к звуку, недоступному остальным.

— Контакт, — негромко сообщила я.

Мужчина медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня. Это было странно. Стекло покрывала плотная тонирующая плёнка, а я находилась достаточно далеко от здания. Тем не менее его взгляд остановился именно там, где я стояла. Затем мужчина поднял руку и поманил меня пальцем. Я невольно крепче сжала стаканчик.

— Дариан, кажется, наш подозреваемый приглашает меня в гости.

— Отойди от здания.

Я уже собиралась последовать совету, когда мужчина резко ударился лбом о стекло. Первый удар оставил мутное пятно. Второй рассёк кожу над бровью, и кровь потекла по его лицу. После третьего на стекле появился тёмно-красный след, который медленно расползался вниз.

— Чёрт, — выдохнула я.

Он продолжал биться головой, всё сильнее, словно пытался пробить окно собственным черепом. Я невольно стиснула зубы, наблюдая, как он размазывает кровь по стеклу. Судя по движениям, боли мужчина не чувствовал вовсе. А затем произошло нечто ещё более неприятное. Я ощутила его кровь.

Не запах, хотя обоняние оборотня позволяло различать его даже на расстоянии. Не сердцебиение и не присутствие другого хищника. Ощущение возникло где-то глубоко внутри, будто невидимая нить на мгновение натянулась между мной и человеком за стеклом. В груди стало тесно, а под кожей пробежал короткий, болезненный холод. Я резко выпрямилась.

Подобное уже случалось со мной раньше. Обычно после тяжёлых задержаний, когда вокруг было много крови и слишком мало времени на размышления. Но сейчас я стояла посреди улицы, далеко от подозреваемого, и не могла объяснить, почему вдруг почувствовала его так отчётливо. Мужчина внезапно застыл. Его глаза расширились, он отшатнулся от окна и исчез из виду.

— Рейна, он отошёл. Возможно, потерял сознание.

— Я у служебного входа. Жду разрешения.

В наушнике раздался голос Виктора Рейнара, нашего командира.

— Группа, подготовиться к входу. Приоритетом остаётся задержание живым. Без неоправданного риска.

— Принято, — ответили мы почти одновременно.

Я отставила недопитый кофе на ближайший подоконник. Ненавижу оставлять хороший кофе. Особенно когда не уверена, что вернёшься за ним.

***

На третьем этаже пахло пылью, старой краской и чем-то едким, напоминавшим больничный антисептик. Однако под резким химическим запахом скрывался другой, хорошо знакомый мне аромат. Кровь. Её было немного, но достаточно, чтобы я без труда определила направление. Дариан бесшумно двигался впереди. Рейна прикрывала нас сзади, а я держалась у стены, прислушиваясь к звукам из ближайшего помещения.

Внутри кто-то смеялся. Смех был тихим, хриплым, совершенно лишённым веселья. Он неожиданно оборвался, сменившись невнятным бормотанием. Через несколько секунд послышался глухой удар, словно что-то тяжёлое упало на пол. Мы остановились. Дариан показал два пальца, обозначая двух обнаруженных внутри людей, и осторожно проверил дверь. Она оказалась незапертой.

По короткому сигналу мы вошли. Комната была просторнее, чем я ожидала. Возле окна стоял перевёрнутый стол, по полу были разбросаны медицинские упаковки и осколки стекла. На стене темнели бурые пятна, а рядом с дверью валялся окровавленный бинт. В воздухе стоял тяжёлый запах антисептика, которым, похоже, пытались заглушить что-то гораздо более неприятное.

Посреди помещения сидел мужчина в белой рубашке, пропитанной кровью. Его голова безвольно свисала на грудь, а одна рука лежала на колене под неестественным углом. Второй стоял рядом. Худой, босой, с разбитыми костяшками пальцев. Наш подозреваемый. Он повернулся к нам с совершенно спокойным выражением лица.

— Наконец-то, — сказал он.

Я подняла пистолет.

— Служба безопасности. Руки вверх. Медленно.

Мужчина послушно поднял ладони. Одна из них была рассечена до мяса, несколько ногтей отсутствовали. Кожа вокруг повреждений выглядела воспалённой, но он будто не чувствовал боли.

— Вам нельзя здесь находиться, — произнёс мужчина.

— Почему?

Он посмотрел на сидящего возле окна.

— Доктор сказал, что дверь открывать нельзя.

— Какой доктор?

Мужчина нахмурился.

— Не помню.

— Где он?

— Не помню.

В его голосе впервые появилась растерянность. Он опустил взгляд на собственные руки, словно увидел их впервые, и несколько секунд молчал.

— Я вообще ничего не помню, — прошептал он.

Я медленно сделала шаг вперёд.

— Как тебя зовут?

Мужчина поднял голову. Его лицо исказилось, губы дрогнули, а затем он неожиданно улыбнулся.

— Помню только, что они обещали меня вылечить.

Нападение оказалось настолько внезапным, что я едва успела уйти от первого удара. Мужчина бросился вперёд с чудовищной скоростью, его пальцы скользнули по моему плечу, разорвав ткань куртки. Я попыталась провести подсечку, но он оттолкнулся от пола и с такой силой врезался в шкаф, что деревянная дверца разлетелась на куски.

Любой нормальный оборотень после подобного столкновения хотя бы поморщился. Этот даже не замедлился.

— Сесилия, справа! — крикнула Рейна.

Я развернулась, пропуская удар мимо лица, и врезала мужчине локтем под рёбра. Он захрипел, но тут же схватил меня за запястье. Боль прострелила руку, а внутри что-то неприятно хрустнуло.

— Ну вот, — процедила я сквозь зубы. — Мама будет в восторге.

Мужчина дёрнул меня на себя. Я ударила его коленом в живот, воспользовалась мгновенной потерей равновесия и повалила на пол. Рейна оказалась рядом прежде, чем он успел подняться, помогая зафиксировать плечи. Дариан защёлкнул наручники, но задержанный продолжал биться, пытаясь вырваться. Его суставы выворачивались под неестественными углами. Под кожей на шее вздулись тёмные вены. Он явно не понимал, что причиняет себе новые повреждения, и сопротивлялся с такой силой, что я боялась услышать хруст сломанной кости.

— Перестань! — рявкнула Рейна. — Ты себе руки сломаешь!

Мужчина внезапно замер. Он повернул ко мне голову, и на несколько секунд его взгляд стал совершенно осмысленным. Исчезло странное выражение лица, ушла пугающая пустота в глазах. Передо мной лежал обычный человек, измученный, испуганный и до смерти уставший.

— Пожалуйста, не отдавайте меня обратно.

Я немного ослабила давление на его плечо, но не отпустила.

— Куда обратно?

Его нижняя губа задрожала.

— К врачу.

Мы с Рейной переглянулись.

— Назови клинику, — попросила я уже спокойнее.

— Не надо. Он сказал, что, если я расскажу, они снова меня заберут.

— Кто они?

Мужчина открыл рот, но вместо ответа раздался короткий, мучительный хрип. Его тело выгнулось дугой, а из носа хлынула кровь, заливая губы и подбородок. Рейна немедленно вызвала медиков. Я попыталась повернуть задержанного на бок и удержать его голову, чтобы он не разбил её о пол. Судороги становились сильнее. Мужчина закричал так громко, что у меня болезненно сжались челюсти.

На его шее проступили те самые параллельные шрамы, которые я заметила на фотографии. Теперь между ними виднелись мелкие кровоподтёки, будто кто- то с силой вдавливал пальцы в кожу. Я протянула руку, чтобы проверить, не мешает ли воротник его дыханию, и замерла. Снова возникло то странное ощущение. На этот раз гораздо сильнее.

Будто под кожей мужчины находилось нечто чужеродное. Невидимые узлы, затянутые слишком туго, и тонкие нити, уходившие куда-то за пределы моего понимания. Я не могла увидеть их глазами, но чувствовала с такой болезненной отчётливостью, что на мгновение перестала слышать голоса напарников. Сердце ударило в грудь.

Мне показалось, что я ощущаю чужую кровь почти так же ясно, как собственную. В ней скрывалась какая-то неправильность, не похожая ни на привычный запах болезни, ни на действие яда. На долю секунды захотелось сосредоточиться на этом ощущении и понять, откуда оно берётся. Я едва успела подумать об этом, когда перед глазами потемнело. Слабость накатила настолько резко, что пришлось опереться рукой о пол. Я поспешно отдёрнула пальцы от шеи задержанного, и странное чувство исчезло.

— Сеси! — Рейна схватила меня за плечо. — Ты в порядке?

Я несколько раз моргнула, дожидаясь, пока комната перестанет расплываться.

— Да. Просто голова закружилась.

Рейна внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Сейчас у нас были проблемы поважнее моего внезапного головокружения. Мужчина лежал неподвижно. Его грудная клетка медленно поднималась и опускалась. Судороги прекратились, однако сознание к нему так и не вернулось. Он был жив. Пока.

***

Через сорок минут помещение заполнили криминалисты. Пострадавшего мужчину возле окна увезли первым. Он оказался жив, хотя врачи не скрывали беспокойства по поводу его состояния. Задержанного отправили следом под усиленной охраной. Медики сообщили, что его состояние тяжёлое, и отказались делать какие-либо предположения до результатов обследования.

Я стояла возле окна, разглядывая разбитое стекло и бурые потёки на раме. Снаружи всё выглядело почти обыденно. По улице проезжали автомобили, в соседнем кафе люди спокойно пили кофе, а за крышами домов медленно собирались серые облака. Никто из прохожих даже не подозревал, что происходило в нескольких десятках метров от них.

Большинство людей вообще не знало, насколько странным может оказаться мир, если однажды заглянуть за привычную его сторону.

— Сеси, — позвал Дариан из соседнего кабинета. — Иди сюда.

Он стоял возле небольшого металлического стола. На поверхности лежали несколько медицинских упаковок, пустые ампулы и раскрытый пластиковый контейнер. Рядом находилась тонкая папка с документами.

— Нашёл возле холодильника. Криминалист уже осмотрел, разрешил сверить с материалами дела, — пояснил Дариан.

Я взяла папку, надев перчатки. Внутри оказалось несколько листов, на первый взгляд не представлявших особого интереса. Назначения, результаты анализов, выписка из частной клиники. Такие документы мы видели десятками, особенно в делах, связанных с подозрением на заражение. Но кое-что всё-таки привлекло моё внимание.

Последний анализ крови был сделан за день до выписки. Все показатели находились в пределах нормы, хотя неделей раньше несколько значений значительно превышали допустимые. Врач не объяснял резкого улучшения, ограничившись стандартной формулировкой об успешной терапии.

— Слишком быстро, — пробормотала я.

Дариан заглянул мне через плечо.

— Что именно?

— Нормализация показателей. Если это заражение, я бы хотела посмотреть на метод лечения, который даёт такой результат.

— Может, он просто не заражён.

— Может. Но тогда нам придётся объяснить, почему сегодня трое подготовленных оперативников едва справились с человеком, который вчера не мог нормально ходить.

Я перелистнула страницу. Выписка была оформлена безупречно. Печать, подпись врача, дата и регистрационный номер. Однако на последнем листе имелась странная особенность. Внизу, возле отметки об окончании лечения, оставили несколько пустых граф, будто документ заполняли поспешно. Я проверила номер пациента. Потом ещё раз.

— Дариан, у тебя есть исходная карта?

— На планшете.

Он открыл файл и передал мне устройство. Я сопоставила данные. Имя совпадало, возраст тоже, а вот регистрационный номер в электронной версии отличался на одну цифру.

— Ошибка при заполнении?

— Возможно. Только клиника не должна выдавать документы с разными номерами одному пациенту.

Я вернулась к папке и осторожно раздвинула листы. Между ними оказался небольшой фрагмент бумаги с неровным краем, словно кто-то торопливо вырвал страницу из другого журнала. На нём сохранились часть номера, дата и подпись. Текст был почти стёрт, но несколько слов удалось разобрать.

Объект переведён.

Ниже располагалась ещё одна строка, испачканная тёмным пятном.

Дальнейшее наблюдение.

Я нахмурилась.

— Он ведь утверждал, что его выписали?

— Судя по документам, да.

— Тогда почему здесь написано, что его перевели?

Дариан ничего не ответил. Я посмотрела на холодильник. Его дверца была приоткрыта, а внутри находились несколько пустых лотков, разорванные упаковки и один небольшой контейнер, опечатанный криминалистами. Судя по следам на полках, большую часть содержимого успели забрать. Кто-то явно торопился.

— Не нравится мне это место, — произнесла я.

— Удивительно. А я уже хотел предложить тебе купить здесь квартиру.

Я невольно усмехнулась и снова вернулась к документам. Чем дольше я их изучала, тем сильнее казалось, что мы упускаем нечто очевидное. Врачебные заключения выглядели слишком аккуратно, результаты анализов менялись слишком быстро, а сам пациент не помнил ничего о последних днях лечения. И всё же ни одно из этих обстоятельств пока не доказывало преступления.

В этот момент в кабинет вошла Рейна.

— Виктор требует предварительный отчёт. И ещё у нас новости из больницы.

Я подняла голову.

— Какие?

— Наш задержанный пришёл в сознание на несколько минут. Назвал своё имя, попросил связаться с женой, а потом снова потерял сознание.

— Врачи что-нибудь выяснили?

— Анализы только начали делать. Пока говорят о тяжёлой интоксикации и повреждении нескольких внутренних органов. Но есть одна странность.

Она передала мне телефон с открытым сообщением из больницы. На экране был снимок запястья задержанного. Сначала я не поняла, что именно должна увидеть. Потом приблизила изображение и заметила под кожей несколько тонких тёмных полос, похожих на крошечные разветвлённые сосуды. Я вспомнила то неприятное ощущение, которое испытала, когда прикоснулась к его шее.

— Что это?

— Врачи пока не знают. На обычные последствия заражения не похоже.

Я долго смотрела на снимок, пытаясь избавиться от странного чувства, что уже сталкивалась с чем-то подобным. Не в медицинских отчётах и не на службе. Скорее, в тех редких приступах, когда собственное тело внезапно переставало мне подчиняться. Но это было слишком смутное сходство, чтобы говорить о нём вслух.

— Пускай передадут результаты, как только будут готовы, — сказала я.

Рейна кивнула и вышла. Дариан забрал планшет, намереваясь связаться с Виктором. Я тем временем снова открыла папку и перевернула последний лист. Под ним оказался ещё один документ. Необычайно тонкий, почти прозрачный, он прилип к обложке и потому остался незамеченным. Я осторожно отделила бумагу от пластика. На листе стояли те же фамилия, имя и номер пациента, что и в основной медицинской карте.

Различалась только дата. И заключение.

Причина смерти: острая полиорганная недостаточность.

Я медленно положила лист рядом с выпиской. Мужчину признали мёртвым через три дня после того, как официально выписали из клиники. Восемь дней назад.

— Дариан.

— Что?

— Подойди.

Он заглянул мне через плечо и несколько секунд молчал.

— Ошибка? — наконец спросил он.

— Хотелось бы.

Я ещё раз проверила регистрационные номера. Один из них отличался на ту самую цифру, которую мы заметили раньше. Теперь это несоответствие выглядело совсем иначе. Если документы были поддельными, кто-то проделал немалую работу, чтобы всё выглядело достоверно. Я вспомнила мужчину у окна, его изуродованные руки и отчаянную просьбу не возвращать его к врачу.

А потом снова посмотрела на свидетельство о смерти. В правом нижнем углу стояла подпись лечащего врача. Она совпадала с подписью на выписке. Я провела взглядом по последней строке. Там находилась ещё одна отметка, которую я сначала приняла за служебный код.

Статус объекта: завершён.

Я почувствовала, как пальцы крепче сжали край папки.

— Что-то нашли? — спросила Рейна, возвращаясь в кабинет.

Я не сразу ответила. За окном по-прежнему шумел город. Где-то внизу хлопнула автомобильная дверь, послышался чей-то смех. Обычный день продолжался, словно ничего не произошло.

— Кажется, наш пациент умер восемь дней назад, — наконец произнесла я.

Рейна нахмурилась.

— Что?

Я протянула ей документ.

— По крайней мере, кто-то очень хотел, чтобы именно так все и думали.

Дариан снова посмотрел на свидетельство, затем на папку с медицинскими заключениями.

— И зачем кому-то понадобилось объявлять живого человека мёртвым?

Я не знала ответа. Но когда взгляд упал на последнюю отметку, у меня возникло ощущение, что мы задаём неправильный вопрос. Слово «завершён» относилось не к лечению. И, возможно, даже не к человеку.

Глава 2

Глава 2. Цена молчания

Кассиан

Первый покойник за сегодняшний вечер оказался живым. Более того, обладал вполне здоровым сердцебиением, дорогими часами и удивительной способностью отрицать очевидное.

Оскар Вент сидел напротив уже почти сорок минут. За это время он успел трижды изменить показания, потребовать адвоката, затем добровольно попросить продолжить разговор без него и теперь явно сожалел обо всех принятых решениях. Перед ним лежало свидетельство о смерти, оформленное три недели назад в клинике Розенхайм. Документ выглядел безупречно. Печать, подписи, регистрационный номер, заключение врача. Даже разрешение на кремацию оформили без единой задержки. Учитывая обычную скорость работы государственных учреждений, такая исполнительность заслуживала отдельного расследования.

— Господин Вент, предлагаю закончить с этой нелепостью. У нас есть подтверждение вашего пребывания в Розенхайме, банковские переводы за лечение и свидетельство о смерти. Последнее, как видите, вызывает определённые сомнения.

— Я уже объяснил, что произошла ошибка.

— Несомненно. Вопрос только в том, кто её допустил и зачем.

Вент поправил манжету рубашки. На внутренней стороне запястья виднелся тонкий красноватый рубец, слишком свежий для вампира, который якобы завершил лечение почти месяц назад. Медицинское заключение о характере повреждения ещё готовилось, поэтому строить предположения было преждевременно. Гораздо интереснее выглядело поведение самого свидетеля. При упоминании клиники он раздражался, но стоило разговору коснуться персонала, как начинал поглядывать на дверь.

— Вы можете проверить документы сами, — произнёс мужчина.

— Этим мы и занимаемся. Но тогда возникает вопрос, почему вы потребовали разговора лично со мной.

— Я не требовал.

— Правда? Значит, сотрудники неправильно поняли ваше заявление.

Передо мной лежала копия протокола его задержания. Вент отказался объяснять патрульным причины своего появления возле здания управления, однако сообщил о незаконных медицинских экспериментах и назвал моё имя. Теперь же упорно делал вид, что оказался здесь по досадному недоразумению.

— Я хочу домой, — произнёс он.

— Понимаю. Три недели официально числиться покойником, должно быть, утомительно.

Оскар не улыбнулся. Его пальцы крепче сжали подлокотники кресла. В течение последних минут он несколько раз пытался незаметно размять левую руку, но всякий раз останавливался, едва прикоснувшись к запястью.

— Вам нужна медицинская помощь?

— Нет.

— Тогда продолжим.

Клиника Розенхайм располагалась в одном из старых районов Вальмонта и до недавнего времени пользовалась превосходной репутацией. Восстановительная терапия, лечение тяжёлых травм, исследовательские программы для состоятельных пациентов. На официальном сайте учреждения красовались фотографии просторных палат, довольных врачей и людей, которым якобы удалось вернуть утраченное здоровье. Среди постоянных клиентов значились представители влиятельных семей, государственные служащие и предприниматели. Вряд ли

кто-то из них ожидал, что однажды клиника сообщит родственникам об их смерти, не дожидаясь соответствующего события.

— Давайте поговорим о вашем лечении, — предложил я. — Не о документах. О том, что происходило в Розенхайме.

— Я почти ничего не помню.

— Почти?

— Отдельные моменты.

— Уже лучше.

Оскар посмотрел на зеркало напротив стола. За стеклом находился сотрудник следственного отдела, ведущий запись беседы. Свидетель знал об этом, но продолжал вести себя так, словно опасался кого-то ещё.

— Если я расскажу, вы сможете защитить мою семью?

— От кого?

— От людей из клиники.

Я закрыл папку.

— Значит, вы всё-таки там были.

Он не ответил. Несколько секунд мужчина рассматривал собственные руки, затем медленно кивнул.

— Вы не понимаете, что они делают.

— Пока нет. Поэтому мы и разговариваем.

— Они забирают людей.

— Каких людей?

— Пациентов. Иногда тех, кто вообще не соглашался на лечение.

Страх в его голосе никуда не исчез, но теперь к нему примешивалась злость. Это уже больше походило на разговор с человеком, пережившим насилие, чем на попытку оправдаться за поддельные документы.

— Ваш адвокат ожидает за дверью, господин Вент. Я предлагаю пригласить его обратно и оформить показания надлежащим образом. После этого займёмся безопасностью вашей семьи.

— Вы мне верите?

— Пока документам я доверяю значительно больше, чем вам. Но ситуация поправимая.

Вент впервые за весь разговор встретился со мной взглядом.

— Они убьют мою жену, если узнают, что я заговорил.

На этом попытки разрядить обстановку следовало закончить.

Я вызвал сотрудника, поручил немедленно проверить местонахождение супруги Вента и организовать необходимые меры защиты. Только после подтверждения, что запрос принят, пригласил адвоката обратно. Мужчина наблюдал за происходящим молча, словно не вполне верил, что кто-то действительно собирается выполнять обещанное.

* * *

Оскар Вент обратился в Розенхайм после тяжёлой травмы позвоночника. Клиника предложила экспериментальную программу восстановления, обещавшую ускоренную регенерацию и устранение последствий повреждений. Лечение стоило немало, но мужчина мог себе его позволить. Первые процедуры проходили без осложнений, врачи регулярно сообщали об улучшениях, а результаты обследований выглядели обнадёживающе. Затем его перевели в закрытое отделение, куда не допускали посетителей, ограничили связь с семьёй и начали вводить препараты, названия которых ему не сообщали.

— После некоторых инъекций я почти ничего не помнил, — рассказывал Вент. — Просыпался через несколько часов, иногда только на следующий день. Однажды обнаружил, что у меня сломаны два пальца. Врач сказал, что это последствия судорог.

— Подобные повреждения происходили часто?

— Несколько раз. Иногда на теле появлялись синяки, порезы. Я спрашивал, откуда они, но мне отвечали, что во время процедур я теряю контроль над движениями.

— Вы пытались отказаться от лечения?

— Да. Мне сказали, что прерывать программу опасно. Потом перестали спрашивать моего согласия.

Вент говорил медленно, подбирая слова. Некоторые эпизоды приходилось восстанавливать по нескольким уточняющим вопросам. В его рассказе оставались большие пробелы, но это не делало показания бесполезными. Существовали медицинские способы проверить большую часть описанного. А если хотя бы половина сведений подтвердится, у руководства Розенхайма возникнут проблемы значительно серьёзнее административных нарушений.

— Кто руководил отделением?

— Не знаю. Врачи менялись. Иногда приходили другие люди, без формы. При них персонал вёл себя иначе.

— Что они делали?

— Смотрели результаты обследований, обсуждали препараты. Один раз говорили, что следующая партия должна быть устойчивее.

— Партия чего?

— Я не понял.

Он опустил глаза. На запястье под манжетой снова проступила красная полоса. Врачи управления уже осмотрели мужчину, но подробные анализы ещё не были готовы.

— В вашем отделении содержались другие пациенты?

— Да. Вампиры, оборотни. Иногда привозили обычных людей.

— Уверены?

— Одну женщину я видел. Она была в гражданской одежде, руки связаны. Кричала, что её похитили и она ничего не подписывала.

— Сможете описать её?

Вент назвал приблизительный возраст, цвет волос и несколько деталей одежды. Следователь занёс сведения в протокол, чтобы позднее сопоставить их с заявлениями о пропавших людях. Подобных обращений поступало немало, но большинство не имело отношения к клинике.

— Что известно об оборотнях? — спросил я.

— Один находился в соседнем помещении. Я не видел его лица. Слышал только голос.

— Он разговаривал с персоналом?

— Постоянно требовал отпустить его домой. Говорил, что у него маленькая дочь. Однажды ночью долго кричал, потом пришли охранники и куда-то его увели. Больше я его не слышал.

Мужчина потёр лицо ладонями. Рассказ заметно его изматывал, поэтому пришлось сделать короткий перерыв. Когда беседу продолжили, я вернулся к обстоятельствам побега.

— Вы утверждаете, что покинули закрытое отделение во время тревоги. Что произошло?

— Не знаю. Сначала услышал сигнал, потом щёлкнул замок. Дверь открылась. В коридоре никого не было, и я побежал.

— Охрана?

— Не видел.

— Другие пациенты?

— Тоже нет. Я даже не проверял соседние палаты. Просто хотел выбраться.

Несколько минут Вент молчал, глядя в стол. На этот раз он не пытался оправдываться. В его голосе впервые появилось что-то похожее на стыд.

— Я слышал, как кто-то звал на помощь, — добавил он. — Но не остановился.

— Сможете указать помещение?

— Если увижу план отделения.

Я кивнул следователю. План следовало получить официальным путём вместе с медицинскими журналами и сведениями о системе безопасности.

История побега выглядела странно. Пациент сумел покинуть закрытое отделение, персонал которого прежде не позволял ему даже связаться с семьёй. Никто не попытался его остановить, а в документах мужчина продолжал числиться умершим. Либо в учреждении произошёл серьёзный сбой, либо кто-то намеренно оставил ему путь к свободе.

— Что было дальше?

— Несколько дней скрывался у знакомого. Потом вернулся домой. Жена открыла дверь и чуть не потеряла сознание. Оказалось, меня уже похоронили.

— Почему вы сразу не сообщили об этом властям?

— Испугался… А вчера мне позвонили.

Я отложил ручку.

— Кто?

— Не знаю. Номер скрыт. Мужчина сказал, что если я хочу остаться жив, нужно обратиться лично к вам.

— Что именно он сообщил обо мне?

— Что вы уже расследуете подобные случаи. Что если я расскажу всё вам, меня не смогут вернуть в клинику.

— Вы узнали его голос?

— Нет. Но он говорил так, словно точно знал, что происходит в Розенхайме.

— Он назвал своё имя?

Оскар покачал головой.

— Только сказал, что у меня осталось мало времени.

Неизвестный информатор, знающий о нашем расследовании, оказался куда интереснее самого звонка. Он мог работать в Розенхайме, иметь доступ к внутренним документам или быть связанным с людьми, которых мы ещё не установили. Но пока ни одна версия не объясняла, почему свидетель оказался на свободе и почему его направили именно ко мне.

— Сохранилась запись разговора?

— Нет.

— Тогда передайте телефон сотрудникам для проверки. И уточните, когда вашей семье начали угрожать.

Вент достал устройство. На экране находилась фотография его дома, сделанная с улицы. Под изображением было короткое предупреждение, не оставлявшее сомнений в намерениях отправителя.

— Это пришло вчера утром, — произнёс он.

Сведения об угрозах внесли в протокол отдельно. После завершения допроса Вента передали сотрудникам защищённого отделения, а его адвокату разъяснили дальнейший порядок участия в расследовании.

Когда дверь закрылась, на столе осталась папка с одиннадцатью свидетельствами о смерти.

Одиннадцать человек, которых официально больше не существовало.

Сколько из них действительно умерли, ещё предстояло выяснить.

* * *

К вечеру материалы по Розенхайму заняли почти весь стол в кабинете совещаний. Представители следственного отдела и аналитического подразделения подготовили предварительную сводку по медицинским документам, финансовым операциям и закупкам оборудования. За последние месяцы клиника приобрела через компанию «Эйдос Медикал» несколько круп-

ных партий лабораторной техники. Часть расходов финансировал фонд Аурелиан, поддерживавший исследования в области восстановительной терапии.

Сами по себе закупки ничего не доказывали. Однако количество оборудования не соответствовало заявленным масштабам программ, а некоторые поставки продолжались даже после приостановления деятельности отдельных отделений.

— Финансовые отчёты не совпадают с инвентаризационными ведомостями, — сообщил сотрудник аналитического подразделения. — Часть оборудования указана как полученная, но сведения о его фактическом размещении отсутствуют.

— Где находятся оригиналы документов?

— У администрации клиники. Копии переданы нам в рамках первоначальной проверки.

— Подготовьте запрос на оригиналы и все дополнительные акты передачи. Если документация велась добросовестно, установить маршрут каждой установки не составит труда.

— А если нет?

— Тогда нам хотя бы не придётся долго искать причину расхождений.

Несколько сотрудников переглянулись. Я открыл следующую папку. В ней находились сведения о пациентах, официально переведённых в другие учреждения после приостановления деятельности Розенхайма. Большинство переводов подтверждалось медицинскими документами. Но в нескольких случаях данные не совпадали: пациенты покинули одно учреждение и так и не появились в следующем.

— Проверьте все подобные случаи, — распорядился я. — Начните с установления местонахождения людей. Меня интересуют реальные пациенты, а не удобные формулировки в отчётах.

— Потребуются дополнительные запросы.

— Подготовьте.

Совещание продолжалось ещё почти час. Отдельное внимание уделили состоянию Оскара Вента. Врачи обнаружили признаки нарушения регенерации, следы многократных инъекций и изменения сосудистой ткани. Исследования ещё не позволяли уверенно определить причину, но некоторые симптомы напоминали последствия воздействия экспериментальных препаратов, изучавшихся в других делах.

Один из аналитиков передал фотографию контейнера, фигурировавшего в закупочной документации Розенхайма. Металлический корпус, крепления, повреждённая маркировка на боковой поверхности. Ничего необычного, если не считать количества подобных ёмкостей, которое клиника приобрела за последние месяцы.

Я увеличил изображение. Сочетание символов на повреждённой наклейке показалось знакомым. На несколько секунд возникло неприятное воспоминание о белой комнате, металлическом столе и чужом голосе, перечислявшем номера. Воспоминание оборвалось прежде, чем удалось различить хоть что-то полезное.

— Господин комиссар?

Я поднял глаза.

— Продолжайте.

— Производитель контейнеров подтвердил поставку оборудования компании «Эйдос Медикал». Однако дополнительную маркировку наносили уже после продажи. Мы выясняем, кто отвечал за учёт.

— Проверьте это отдельно. И не ограничивайтесь Розенхаймом. Если компания использовала подобную систему маркировки в других учреждениях, нам понадобятся соответствующие сведения.

К концу совещания определились основные направления расследования. Следственный отдел занимался исчезнувшими пациентами и медицинскими документами. Аналитики про-

веряли поставки и финансовые операции. Отдельная группа получила поручение установить источник угроз семье Вента и происхождение анонимного звонка.

У каждого подразделения была своя работа. Оставалось проследить, чтобы результаты не потерялись в десятках разрозненных отчётов.

* * *

Рафаэль Морвейн появился в кабинете без приглашения, но с двумя папками, которые сразу привлекли моё внимание. Похоже, сегодня он всё-таки решил оправдать существование своей адвокатской практики. На нём был тёмный костюм, безупречно подобранный галстук и выражение человека, чьё присутствие следовало считать подарком само по себе.

— Надеюсь, ты хотя бы иногда платишь своим сотрудникам за переработки, — заметил он, проходя к столу. — В коридоре половина управления выглядит так, будто готовится к собственным похоронам.

— Если пришёл жаловаться на условия труда, обратись в приёмную. Тебе назначат время.

— Очаровательно. А ведь я принёс кое-что интересное.

Рафаэль устроился напротив и положил передо мной первую папку. Внутри находились копии договоров «Эйдос Медикал», выписки из реестров и подготовленные им замечания к условиям поставок. Некоторые страницы были отмечены аккуратными закладками. При всей любви к развлечениям он умел работать серьёзно, когда дело действительно заслуживало внимания.

— Твои подозрения насчёт поставок обоснованны, — произнёс он. — В договорах предусмотрена возможность передачи оборудования третьим лицам после первоначальной доставки. Формально ничего незаконного. Но дальше начинается интересное.

— Продолжай.

— В нескольких соглашениях отсутствует обязанность указывать конечное место хранения в основном договоре. Все изменения оформляются дополнительными актами. Если кто-то захочет выяснить, куда отправился конкретный груз, первоначальная накладная ему мало поможет.

Я просмотрел документы. Рафаэль выделил одинаковые пункты в трёх разных договорах, заключённых с медицинскими учреждениями. Формулировки почти полностью совпадали.

— Кто составлял эти соглашения?

— Этого пока не установил. Но автор либо прекрасно разбирается в корпоративном праве, либо слишком хорошо понимает, как затруднить последующую проверку.

— Полагаю, ты оценил мастерство.

— С профессиональной точки зрения? Безусловно. С человеческой предпочёл бы держаться от автора подальше.

Я отложил первую папку и открыл вторую. Рафаэль не стал дожидаться вопроса.

— Здесь сведения о финансировании. Часть оборудования Розенхайма приобреталась на средства фонда Аурелиан. Само по себе это нормально, фонд действительно поддерживает медицинские исследования. Но отчёты о расходовании грантов не объясняют объёмы закупок.

— Значит, нужны оригиналы отчётов и подтверждение фактического использования оборудования.

— Именно. И прежде чем ты решишь вызвать весь попечительский совет на допрос, напомню, что фонд пока не является подозреваемым.

— Какое счастье, что рядом есть человек, готовый объяснить мне основы собственной работы.

Рафаэль усмехнулся.

— Кто-то должен удерживать тебя в рамках приличий.

— С этим ты опоздал лет на сто.

Он рассмеялся, но вскоре снова вернулся к документам. На одной из страниц находилась сводная таблица поставок, часть которых проходила через компании-посредники. У нескольких грузов отсутствовало подтверждение конечного места хранения. Ещё в двух случаях даты передачи оборудования не совпадали со сроками действия договоров.

— Эти расхождения требуют проверки, — сказал Рафаэль. — Но если выяснится, что документы составляли задним числом, появятся основания говорить не только о нарушении порядка поставок.

— О подделке финансовой отчётности?

— Как минимум. А дальше всё будет зависеть от того, куда действительно отправили оборудование.

Он откинулся в кресле и некоторое время рассматривал меня поверх документов.

— Ты подозреваешь, что Розенхайм не единственная клиника?

— Пока у нас нет доказательств существования общей сети. Но несколько исчезновений, одинаковые условия поставок и оборудование, которое невозможно найти, заслуживают внимания.

— Разумно. Неужели ты наконец научился терпению?

— Приходится. Ты ведь постоянно напоминаешь, сколько стоят ошибки следствия.

— И правильно делаю. Ты бы удивился, сколько преступников получают свободу благодаря чужой самоуверенности.

Рафаэль произнёс это без привычной улыбки. Несмотря на любовь к удовольствиям, он прекрасно понимал цену небрежной работы. За годы адвокатской практики ему доводилось сталкиваться с имущественными махинациями, незаконным присвоением наследства и семейными конфликтами, в которых люди готовы были совершить преступление ради нескольких строк в завещании. Денежные интересы аристократии редко отличались благородством, каким бы древним ни был родовой герб.

— Ты знаком с руководством фонда? — спросил я.

— С некоторыми представителями. Мы пересекались на официальных мероприятиях, обсуждали отдельные профессиональные вопросы. Ничего, что давало бы мне право на доступ к их внутренним документам.

— Но достаточно, чтобы понимать, как устроена организация?

— В общих чертах. Попечительский совет, грантовые программы, финансовый контроль. Если захочешь проверить конкретные расходы, придётся обращаться официально.

— Этим уже занимаются.

— Прекрасно. Значит, я могу продолжать наслаждаться собственной независимостью.

Я закрыл папку.

— Пока можешь.

Рафаэль усмехнулся, затем потянулся за бокалом, стоявшим возле края стола. На несколько минут разговор перешёл к делам дома Вальтерисов. Марселла, по словам друга, была возмущена моим очередным отсутствием на семейном ужине и даже подумывала лично доставить меня к родственникам.

— Не сомневаюсь, она способна на такое, — заметил я.

— А ещё она сказала, что Альбрехт намерен обсуждать участие вашего дома в новых исследованиях фонда Аурелиан.

Я поднял глаза.

— Вот как?

— Завтра состоится встреча представителей нескольких домов. Альбрехт, насколько мне известно, уже согласился присутствовать.

— Прекрасная возможность познакомиться с программой подробнее.

Рафаэль внимательно посмотрел на меня.

— Неужели собираешься?

— Почему нет?

— Потому что обычно ты предпочитаешь подобным мероприятиям допросы, служебные отчёты и всё, что позволяет избежать разговоров с родственниками.

— Значит, завтра неприятный сюрприз ожидает сразу несколько человек.

Рафаэль рассмеялся.

— Начинаю понимать, почему Марселла просила меня поговорить с тобой.

— Она привлекла тебя к воспитательной работе?

— Пыталась. Я благоразумно отказался.

Мы вернулись к документам, чтобы уточнить перечень материалов, которые ещё предстояло получить. Рафаэль согласился подготовить письменное правовое заключение по представленным договорам. При этом мы отдельно оговорили, что сведения должны быть получены законным путём, без нарушения конфиденциальности его клиентов.

Когда работа подошла к концу, он неожиданно произнёс:

— Кстати, Вивьен спрашивала, появишься ли ты завтра.

— Уверен, она переживёт ещё один вечер без моего общества.

— Не сомневаюсь. Но, возможно, тебе стоит хотя бы иногда отвечать на её сообщения.

— Рафаэль, неужели ты решил заняться моими отношениями?

— Боже упаси. Мне хватает собственных ошибок.

Улыбка не исчезла с его лица, однако взгляд на мгновение задержался на бокале. Я не придал этому значения. Вивьен умела втягивать окружающих в свои планы, и Рафаэль наверняка успел выслушать от неё очередную историю о моём неудовлетворительном отношении к помолвке.

Политические обязательства редко отличались романтичностью. Особенно когда обе стороны понимали, ради чего заключён союз.

* * *

Разговор прервал звонок из управления. Дежурный сообщил, что в защищённом отделении задержали мужчину с поддельным пропуском медицинского персонала. При проверке документов тот попытался прорваться к одному из пациентов и ранил сотрудника охраны.

Я уточнил состояние пострадавшего и обстоятельства задержания. Рана предплечья оказалась болезненной, но угрозы жизни не представляла. Нарушителя обезвредили, изъяли личные вещи и поместили в отдельную комнату досмотра. Он отказывался назвать имя и настойчиво требовал встречи со мной.

Рафаэль наблюдал, как я слушаю доклад.

— Похоже, вечер становится интереснее.

— Для тебя, возможно.

— Не могу же я оставить тебя одного с очередным любителем неприятностей.

— Уверен, справлюсь.

— Конечно. Но кто тогда проследит, чтобы ты вёл себя прилично?

Я убрал телефон.

— Полагаю, мы оба знаем, насколько бесполезна эта затея.

Рафаэль поднялся одновременно со мной. Отговаривать его не имело смысла. Впрочем, доступ к закрытым материалам задержанного он не получал, а потому договорились, что при разговоре останется за стеклянной перегородкой и не станет вмешиваться.

К моменту нашего прибытия нарушителя уже осмотрели поверхностно и проверили документы. Пропуск принадлежал врачу, который давно не работал в учреждении. Сам задержанный оказался вампиром, на вид около тридцати лет. Тёмная одежда, короткие волосы, напряжённое лицо. Он сидел за металлическим столом, положив руки перед собой, и внимательно следил за дверью.

Я остановился напротив.

— Добрый вечер. Надеюсь, вам объяснили причину задержания?

Мужчина поднял голову.

— Кассиан де Вальтерис.

— Приятно, когда представляться не приходится.

Он попытался улыбнуться. Получилось плохо.

— Вы знаете, кто я?

— Пока нет. Но уверен, мы это исправим.

— Мне сказали, что вы не оставляете свидетелей.

Я занял кресло напротив. В подобных обстоятельствах начинать разговор с обсуждения чужой репутации было не самой удачной тактикой, однако задержанный явно предпочитал именно её.

— Кто сказал?

— Люди, которые знают вас.

— Надо же. А я считал, что они предпочитают говорить обо мне что-нибудь приятнее.

Мужчина не отреагировал. Его пальцы слегка дрожали, а на висках выступила испарина. Он выглядел больным. Причиной мог оказаться страх, воздействие препаратов или состояние, которое ещё предстояло установить медикам.

— Вы пытались проникнуть в охраняемое отделение по поддельному пропуску, — продолжил я. — Когда вас остановили, напали на сотрудника. Зачем вам понадобилось туда попасть?

— Я ничего не хотел делать.

— Тогда вы выбрали весьма странный способ провести вечер.

Он зажмурился. Дыхание стало частым, руки сжались в кулаки.

— Они обещали, что всё закончится.

Я внимательно посмотрел на его лицо.

— Кто обещал?

— Мне нужно было только попасть внутрь.

— К кому?

Мужчина резко схватился за край стола. На несколько секунд его тело свело судорогой, затем он вскочил так быстро, что кресло опрокинулось на пол. Охранник шагнул вперёд, пытаясь удержать задержанного, но тот уже вцепился ему в руку. Раздался короткий вскрик, когда ногти вампира рассекли кожу до крови.

Первые капли упали на металлический стол.

Этого оказалось достаточно.

Кровь отозвалась мгновенно. Несколько багровых нитей поднялись в воздух и обвились вокруг запястий нападавшего. Я развёл пальцы, заставив его руки разойтись в стороны, и удержал мужчину на месте. Он попытался вырваться, но лишь сильнее натянул нити. В стеклянной перегородке отразилось моё лицо. Глаза, обычно холодного голубого цвета, на мгновение вспыхнули рубиновым.

— Хватит.

Мужчина замер. Его дыхание стало тяжёлым, лицо побледнело.

— Вы... вы должны были...

— Закончите мысль.

Он посмотрел на кровь, удерживавшую его руки, затем снова на меня.

— Убить меня.

Я нахмурился.

— Кто внушил вам эту замечательную идею?

Ответа не последовало. Задержанный продолжал дрожать, словно едва держался в сознании. В комнату уже вошли дополнительные сотрудники охраны. По моему приказу они зафиксировали мужчине руки обычными средствами, после чего я отпустил кровь. Нити распались и тяжело упали на стол.

— Врача сюда. Немедленно, — распорядился я. — Проверьте его на воздействие препаратов и признаки заражения. Пострадавшему окажите помощь, повреждения зафиксируйте в протоколе.

Задержанный медленно опустился на стул. Его больше не интересовали ни дверь, ни окружающие люди. Он смотрел на собственные руки с таким ужасом, словно впервые увидел, на что они способны.

— Я не хотел, — прошептал он.

— Тогда расскажете об этом следователю после медицинского осмотра.

У двери я остановился и ещё раз посмотрел на мужчину. Попытка нападения выглядела бессмысленной. Он не пытался сбежать после задержания. Не требовал освобождения. Вместо этого заговорил обо мне, спровоцировал конфликт и явно ожидал, что разговор закончится его смертью.

Кто-то слишком хорошо знал, на какую реакцию рассчитывать.

И всё же не это беспокоило сильнее всего.

На внутренней стороне запястья задержанного виднелась тонкая красноватая полоса. Почти такая же, как у Оскара Вента.

Я вернулся к столу и попросил охранника не закрывать рукав мужчины до прибытия врача. Подобные повреждения могли иметь множество причин, поэтому торопиться с выводами не следовало.

Но если сходство окажется не случайным, у нас появится ещё один человек, которого необходимо спросить о клинике Розенхайм.

Задержанный вдруг поднял голову. Его взгляд остановился на моей руке, всё ещё испачканной чужой кровью.

— Они сказали, вы поймёте, — прошептал он.

Я приблизился.

— Что именно?

Мужчина попытался ответить, но слова сменились хриплым выдохом. Тело снова свело судорогой, и он обмяк на стуле. Медики немедленно приступили к осмотру, а сотрудники охраны освободили пространство вокруг.

Я отошёл, освобождая место медикам. Мужчину уложили на пол, один из врачей проверял его состояние, второй уже готовил препараты. За стеклянной перегородкой стоял Рафаэль. От привычного веселья на его лице не осталось и следа, что само по себе говорило о серьёзности происходящего.

На металлическом столе темнели капли крови. Одна медленно стекала к краю, оставляя за собой неровную багровую полосу. В памяти снова прозвучали слова задержанного.

Они сказали, вы поймёте.

Как предусмотрительно. Кто-то потрудился доставить сообщение прямо в моё управление, использовав вместо письма живого человека. Правда, состояние посыльного оставляло желать лучшего, а содержание послания не отличалось ясностью.

Я посмотрел на врачей. Мужчина всё ещё не приходил в сознание.

Сходство повреждений с рубцами Оскара Вента могло оказаться совпадением. Но сегодня мне уже хватило одного покойника, который оказался живым, и второго, который, похоже, очень старался исправить эту оплошность.

Кто бы ни стоял за происходящим, он явно рассчитывал произвести впечатление.

Что ж, поздравляю. Ему удалось.